

— Сестрица, полегче! Больно же! — истошно завопил Юй Шаочунь.

Скорчившись на кушетке в школьном медпункте, он отчаянно пытался уклониться от ватного тампона, которым вооружилась школьная медсестра. Та, впрочем, мольбы симулянта проигнорировала. Безжалостно зажав ватку пинцетом, она с хирургической точностью и всей душой прижала её к свежей ссадине.

— Повернись и задери футболку, — скомандовала медсестра.

— Как-то это... неловко, — пробормотал Юй Шаочунь, пытаясь изобразить смущение.

Она одарила его таким уничтожающим взглядом, что парень сразу притих.

— Меньше болтай, больше делай. Чего разнылся?

Фэн Чжоу сидел рядом на круглом табурете, выпрямив спину как струну. Он изо всех сил делал вид, будто безумно увлечён чтением плакатов на стене — один подробно объяснял, как правильно мыть руки, другой перечислял пять золотых правил профилактики гриппа. Однако стоило ему краем глаза увидеть, как медсестра железной хваткой прижала Юй Шаочуня к кушетке, Фэн Чжоу не выдержал и тихонько фыркнул.

Даже испуская предсмертные стоны, Юй Шаочунь умудрился расслышать этот смешок. Он оскорблённо вскинул руку:

— Не смейся надо мной!

Медсестра тут же шлёпнула его пониже спины:

— Не вертись!

Их неравная борьба продолжалась минут десять, пока медсестра наконец не обработала все синяки и ссадины, оставшиеся после драки. Тщательно вымыв пинцет и убрав его на место, она строго погрозила пациенту пальцем:

— Будет тебе уроком. В следующий раз хорошенько подумай, прежде чем кулаками махать. Понял?

Юй Шаочунь лишь вяло махнул рукой, уткнувшись лицом в подушку.

Повернувшись к Фэн Чжоу, медсестра добавила:

— Присмотри за ним. На спине ушибы, я только что нанесла мазь, так что пусть лежит смирно и не обтирает стены. Я буду в соседнем кабинете, если что — зови.

Фэн Чжоу придвинул табурет ближе к кушетке.

— Ну что, Вечный второй, как ощущения? Приятно было получить по шее?

Юй Шаочунь повернул к нему голову и хмыкнул:

— Сам Первый в параллели проделал такой путь, чтобы восстановить справедливость ради меня. Я прямо-таки тронут до слёз.

Фэн Чжоу нахмурился:

— Я просто терпеть не могу жуликов. Этот идиот сам подставился, когда бросил мне шпаргалку. Ты тут вообще ни при чём.

— Цыц, — Юй Шаочунь ткнул Фэн Чжоу пальцем в колено. — И почему ты вечно такой упрямый? Сложно признать, что заступился за меня?

Фэн Чжоу не стал спорить, лишь молча отодвинул ногу и перевёл тему:

— Вы с ним с первого класса старшей школы не ладите? Что у вас произошло?

Лицо Юй Шаочуня помрачнело. Какое-то время он молчал, глядя в пустоту, а затем негромко произнёс:

— Дело не во мне. Был там другой парень.

В первый год старшей школы Юй Шаочунь наотрез отказался от родительской помощи — те собирались дать школе взятку, чтобы устроить его в престижный класс. Юй Шаочунь, которого с детства все носили на руках, рассудил просто: талантливый человек пробьётся везде, незачем плодить кумовство и пользоваться привилегиями.

Так он оказался в самом обычном восьмом классе, где и познакомился с Нин Чжиюанем.

Сяо Юань был щуплым, невысоким пареньком — кожа да кости. В первый учебный день он робко присел за парту рядом с Юй Шаочунем и пролепетал едва слышно, словно писк комара:

— Привет, я Нин Чжиюань. Если... если я чего-то не буду понимать, можно будет у тебя спросить?

Сперва Юй Шаочунь подумал, что парень просто застенчив. Но со временем понял, что его новый сосед по парте живёт в ужасающей нищете. Отец Нин Чжиюаня угасал в больнице от уремии, и каждая процедура гемодиализа обходилась как минимум в шестьсот юаней. Его матери приходилось крутиться на нескольких работах: на рассвете она торговала на рынке овощами, днём разносила заказы в дешёвой забегаловке, а по ночам собирала макулатуру и пластик на старом трёхколёсном велосипеде.

Сам Сяо Юань ходил с доисторической кнопочной «Нокией», с которой давно облупилась краска, а две выданные школой формы занашивал до дыр, ежедневно стирая их по очереди — даже в выходные он не носил ничего, кроме школьной одежды. В столовой он покупал лишь плоску риса и самую дешёвую овощную закуску, запивая их бесплатным бульоном. От такой скудной еды в животе быстро начинало урчать, и парень изо всех сил прижимался грудью к краю парты, чтобы хоть немного унять голод.

Во время самоподготовки Юй Шаочунь то и дело слышал жалобное урчание, доносившееся из-под соседней парты, и как-то раз не удержался от вопроса:

— Ты что, совсем не обедал?

Секрет раскрылся. Нин Чжиюань вспыхнул до корней волос и замер, не зная, что ответить. Вид у него был такой несчастный и виноватый, будто Юй Шаочунь его прилюдно отчитал. Почувствовав неловкость, Шаочунь залез в рюкзак и вытащил пару шоколадок, которые утром стащил из заначки мамы Юй.

— На, перекуси пока.

Сяо Юань тихонько поблагодарил его, а затем принялся лихорадочно шарить по карманам куртки. Наконец он wygrеб несколько мелких монет и робко положил их на стол перед соседом.

Юй Шаочунь опешил:

— Это же просто угощение, зачем мне твоя мелочь?

— Мама говорила, что нельзя ничего брать даром, — упрямо прошептал Нин Чжиюань.

Шаочунь невольно улыбнулся. Немного подумав, он вложил монеты обратно в худую ладошку парня.

— Денег не нужно. Давай так: ты окажешь мне ответную услугу. Будешь каждый день на переменах приносить мне горячую воду из кулера, идёт?

Нин Чжиюань не хватал звёзд с неба, но при этом отличался поразительным трудолюбием. Его

конспекты были образцовыми, по выходным он часами пропадал в книжных магазинах, читая учебники прямо у полок и тайком выписывая сложные задачи, а домашнюю работу делал порой до двух часов ночи. На следующий день он приходил с огромными тёмными кругами под глазами.

Его упорство порой граничило с безумием.

Юй Шаочунь часто оставался после уроков, чтобы помочь товарищу разобраться со сложными темами. Во время этих посиделок Нин Чжюань часто с надеждой спрашивал: «Шаочунь, а ведь учёба действительно может изменить жизнь? Если я поступлю в хороший университет, то смогу купить родителям просторную квартиру. Маме больше не придётся надрываться на этой жуткой трёхколёсной телеге».

— Ты столько для меня сделал, — со всей серьёзностью говорил Нин Чжюань. — Я этого никогда не забуду. Вот увидишь, когда-нибудь я обязательно отплачу тебе добром.

Юй Шаочунь, у которого с детства шило в одном месте не давало пройти мимо чужой беды, за свою жизнь помог слишком многим, чтобы ждать благодарности:

— Самой лучшей наградой для меня будет, если ты наконец запомнишь, как уравнивать химические реакции, и перестанешь делать там глупые ошибки.

Любой нормальный учитель дорожил бы таким прилежным учеником, но их классной руководительницей в восьмом классе была Ло Цюде.

Уже через пару недель после начала учебного года эта старая ведьма принялась методично обзванивать родителей. Суть её бесед сводилась к одному: «У вашего ребёнка явные проблемы с математикой, ему просто необходимо записаться на мои дополнительные платные курсы». Госпожа Шэнь, ответив на такой звонок, приняла Ло Цюде за навязчивого спамера, обругала и заблокировала номер. Узнав об этом, папа Юй не на шутку испугался, что сыну начнут занижать оценки, и тут же засыпал классную подарочными сертификатами в фитнес-клубы, спа-салоны и торговые центры.

После этого Ло Цюде оставила Юй Шаочуня в покое. Зато всю свою злобу она выместила на Нин Чжюане.

Для мальчика, чья семья едва сводила концы с концами, дорогие подарки и платные уроки Ло Цюде были непозволительной роскошью. Учительница презирала его и не упускала случая уколоть при всём классе: «Некоторые родители меня просто поражают. Мало того что сами прозябают в нищете, так ещё и детей лишают будущего, жалея денег на нормальное образование. И ведь ладно бы парень был гением, так нет же — умом не блещет. Мой вам совет: бросайте вы это дело, учитесь крутить педали на трёхколёсном велосипеде. Всё равно университет вам не светит».

У Юй Шаочуня от подобных речей кровь закипала в жилах, но сам Нин Чжюань терпел всё с кротким смирением. Он продолжал усердно заниматься и даже умудрялся успокаивать вспыльчивого друга: «Шаочунь, не надо, всё в порядке. Наверное, я сам виноват, не сердись на неё».

Да как он мог быть виноват?! Разве бедность — это преступление? Неужели статус учителя даёт право безнаказанно измываться над беззащитным ребёнком, а тот обязан безропотно сносить издевательства этой корыстной бабы?

В конце первого полугодия в школе распределяли материальную помощь малоимущим ученикам. Нин Чжюань тщательно подготовил все документы, написал заявление и подал его в срок. Однако, когда вывесили списки получателей стипендии, его фамилии там не оказалось.

Деньги достались Хань Шуню.

Шунь-цзы приходился Ло Цюде племянником. За всё время учёбы он и пальцем не ударил: перебивался с двойки на тройку, а хорошие оценки получал исключительно благодаря списыванию. В этом деле он был настоящим виртуозом: то заставит соседа сдвинуть бланк, то договорится, чтобы ему оставили шпаргалку в условленном месте в мужском туалете.

Способов обмана у него в арсенале было столько, что обычному человеку и в голову не пришло бы. И ведь везло подлецу — ни разу не поймали. Уверовав в свою безнаказанность, Хань Шунь окончательно обнаглел. Перед самыми каникулами он умудрился раздобыть копию заявления Нин Чжюаня и теперь тряс ею перед одноклассниками, разыгрывая дешёвый спектакль:

— Ой, глядите-ка, что это у нас тут? Наш гордый Нин Чжюань, оказывается, побирается! Неужели великий праведник опустил до выпрашивания подачек?

Сяо Юань бросился к нему, пытаясь отобрать бумагу, но Хань Шунь, будучи выше ростом, лишь потешался над ним, поднимая листок высоко над головой. Его шуточки становились всё более мерзкими и грязными:

— Я-то думал, ты притворяешься бедняком ради жалости, а вы и впрямь нищие. Слушай, а чего твоя мамаша на панели не подрабатывает? Там бы живо денюжат подняла. Или она тебя просто не любит?

Под общий хохот приятелей он выудил из кармана две смятые сторублёвые купюры и пренебрежительно похлопал ими Нин Чжюаня по щеке:

— Да ладно тебе, эта ваша стипендия всего две тысячи юаней. Крохи! Назови меня папочкой, и я накину тебе две сотни сверху. Ну же, скажи «папа»!

Юй Шаочунь, только что вернувшийся из соседнего класса, застал эту сцену. Увидев, как Хань

Шунь со своей бандой измывается над беззащитным парнем, он озверел. Кровь бросилась ему в голову. Шаочунь рванулся вперёд и с силой толкнул обидчика в грудь:

— Ты что творишь, ублюдок?!

— Не лезь не в своё дело, молодой господин Юй! — огрызнулся Хань Шунь, не ожидавший отпора. — Чего ты за него впрягаешься, будто тебе на хвост наступили? Я этого нищерброда давно мечтал проучить. И вообще, за собой бы лучше следил! На прошлой контрольной запарол кучу заданий, из-за тебя я кучу баллов недобрал. Кончай строить из себя героя, иди лучше учебники зубри.

Хань Шунь задумчиво потёр подбородок, переводя взгляд с одного парня на другого, и мерзко ухмыльнулся:

— Хотя... постой. Может, ты в этого доходягу по уши втрескался? То-то я смотрю, он за тобой как хвостик ходит, и термос твой втихаря в столовой кипятком наполняет. Жалеешь свою девку, да?

Юй Шаочунь замахнулся для удара, готовый разбить подонку лицо, но Нин Чжиюань мёртвой хваткой вцепился в его рукав. Парень отчаянно затряс головой:

— Шаочунь, не надо! Пожалуйста, остановись! За драку тебя сразу отчислят...

Вскоре состояние отца Сяо Юаня ухудшилось, а платить за больницу стало совсем нечем, и его забрали домой — умирать. Мечте мальчика об университете так и суждено было остаться несбыточной, но прекрасной сказкой его угасшей юности.

День, когда Нин Чжиюань пришёл забирать документы, совпал с первой ежемесячной контрольной во втором полугодии. Едва услышав об этом, Юй Шаочунь сдал абсолютно чистый бланк и помчался на вокзал.

На перроне он застал Сяо Юаня и его мать — исхудавшую, измученную женщину. Она казалась совсем крошечной и беспомощной под порывами промозглого весеннего ветра, и даже её вечно сутулый сын выглядел рядом с ней взрослым мужчиной. Ей было от силы за сорок, но седые пряди свисали паклей, спутанные в тугие, неразрешимые узлы.

Такой же запутанной и беспросветной была и вся её жизнь.

— Ты ведь Шаочунь, сосед Сяо Юаня по парте? — спросила женщина. Её покрасневшие глаза наполнились слезами, и она низко, в пояс поклонилась Юй Шаочуню. — Спасибо тебе, деточка. Спасибо, что не давал нашего мальчика в обиду. Ты золотой ребёнок. Дай бог тебе здоровья и счастья.

Нин Чжюань тоже сделал глубокий поклон:

— Спасибо тебе за всё, брат.

Больше они никогда не встречались.

Выслушав этот сбивчивый рассказ, Фэн Чжоу долго молчал. Наконец он мягко коснулся плеча друга:

— Так вот почему ты тогда сдал пустой лист... А я-то думал, что подобные преподаватели встречаются только в третьесортных романах.

— Реальность порой куда более сурова, мой наивный отличник.

— Позволь спросить, — негромко произнёс Фэн Чжоу, поправив очки. — Ты... испытывал к нему чувства?

Юй Шаочунь перевернулся на бок, подперев голову рукой, и уставился на Фэн Чжоу с таким изумлением, словно перед ним только что заговорил неандерталец:

— Надо же, сам Фэн Чжоу опустился до сплетен! Не верю своим ушам.

— Обычное человеческое любопытство, ничего более, — невозмутимо парировал тот. — Впрочем, если тема тебе неприятна, забудь.

— Да брось ты. Я за свою жизнь стольким бедолагам помог, мне что, в каждого влюбляться? — Шаочунь пожал плечами. — Мне просто было искренне его жаль. Хотелось уберечь от этого дерьма. Мы птицы разного полёта, так что наша дружба изначально имела свои границы. Меня больше удивляет другое: с каких пор ты так спокойно рассуждаешь о подобных вещах?

— Пусть я и считаю себя асексуалом, научные исследования доказывают, что в подсознании каждого человека заложены бисексуальные импульсы, — со всей серьёзностью принялся читать лекцию Фэн Чжоу. — В кинематике есть прекрасное правило: «Покой относителен». Его вполне можно спроецировать и на другие сферы жизни. Человеческая ориентация тоже пластична и относительна. Сегодня ты убеждённый гетеросексуал, а завтра твои предпочтения могут резко измениться. И даже если вероятность этого составляет всего один процент, глупо отрицать её существование. Каждому из нас изначально присущи обе эти грани, ведь они — неотъемлемая часть человеческой природы.

— Ну ты и философ, — Юй Шаочунь с улыбкой окинул его взглядом. — Знаешь... когда ты не пытаешься со мной спорить, то кажешься чертовски милым.

— Спорить с тобой — мой священный долг, сердобольный ты наш Юй Шаочунь, — фыркнул Фэн Чжоу. — Терпеть не могу, когда ты начинаешь строить из себя благородного рыцаря.

<http://bllate.org/book/19050/1917737>